

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/19

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА, СИНТАКСИС И СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия
Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия,
andryusha.fsf@gmail.com*

Аннотация. Представлена критика работы А.В. Нехаева «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм». Предложенный проект семантического платонизма в качестве решения скептической проблемы следования правилу сталкивается с рядом сложностей. Неясной и требующей уточнения оказывается познавательная доступность смыслов как семантических структур. Ставится под вопрос отождествление Нехаевым семантической структуры языкового выражения и ее синтаксической структуры.

Ключевые слова: Катц, платонизм, диспозиционализм, семантика, референция, следование правилу

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Семантическая структура, синтаксис и следование правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 208–213. doi: 10.17223/1998863X/86/19

Original article

SEMANTIC STRUCTURE, SYNTAX, AND RULE-FOLLOWING

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation
Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation,
andryusha.fsf@gmail.com*

Abstract. The article discusses Andrei Nekhaev's article "Katz's Good Angel vs. Kripke's Evil Demon: The Privileged Argument, Algorithms, and Semantic Platonism". The author proposes, as an alternative to semantic dispositionalism, the program of semantic Platonism, which supposedly successfully copes with the solution of the skeptical problem of rule-following. Although recent trends in analytic philosophy can in no way be defined as anti-metaphysical, there is still no place for radical forms of idealism in the focus of researchers' attention. This determines the significance of Professor Nekhaev's research, which actualizes the program of semantic Platonism as possessing high potential for solving the most pressing issues of modern analytic philosophy. Nekhaev rejects the epistemological nature of the rule-following problem, considering it exclusively as metaphysical. However, I argue that a metaphysical successful overcoming of the skeptical challenge must also be epistemologically relevant. Nekhaev does not specify the essence of meanings, the "grasping" of which ensures the possibility of following a rule. This raises a reasonable question, which is closely related to the remark that the problem of following a rule must also imply epistemological content: how is the reliability or truth of the agent's knowledge of meaning ensured? Equally significant is the fact that Nekhaev does not specify the mechanism of decomposition of meaning. This last observation is related to the fact that Nekhaev somewhat simplifies Katz's approach to language. The definition of meaning is

literally impossible without or outside of knowledge of the object. Moreover, meaning as a semantic component of a linguistic expression is precisely formed on the basis of grammar, but is not reducible to grammar. The construction of an ontology bypassing the referential function of language, where the primacy of “grasped” meanings is established without taking into account extensional objects, is undesirable. Katz does not imply a break with objective reality, but seeks to construct a semantic project that could claim to be the difference between the perception and description of the same objects in different forms of givenness. The connection between reference and intensional object should not be rejected or ignored.

Keywords: Katz, Platonism, dispositionalism, semantics, reference, rule-following

For citation: Andrushkevich, A.G. (2025) Semantic structure, syntax, and rule-following. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 208–213. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/19

Статья «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» [1] профессора А.В. Нехаева примечательна уже в силу того факта, что представляет собой редкий и нетривиальный для современных исследований в области аналитической философии пример интереса к семантическому платонизму.

Исторический вектор развития аналитической философии, которая в первые десятилетия вела позитивистскую борьбу с различными проявлениями идеализма в философии или, как метко их описывает Г.-И. Глок, крестовый поход против метафизики [2. С. 170], в конечном итоге переменялся, и традиция вернулась к метафизической проблематике и к реабилитации метафизики как таковой. Некоторые авторы высказывают даже довольно радикальные соображения о том, что «самое раннее четко выделяемое самостоятельное аналитическое движение в философии имело явную метафизическую ориентированность; метафизика процветает и в наши дни, на другом конце истории аналитической философии. Более того, можно даже утверждать, что сегодня именно метафизика является центральной дисциплиной аналитической философии и что даже имевшие место нападки на метафизику, как ни странно, коренились и проявлялись в тех предпосылках, которые сами были глубоко метафизическими» [3. С. 6]. Но при всем этом справедливым и целиком обоснованным является замечание профессора Нехаева о непопулярности семантического платонизма. Хотя последние тенденции в аналитической философии никак нельзя определить как антиметафизические, для радикальных форм идеализма по-прежнему не находится места в фокусе внимания исследователей.

Вышесказанное и определяет значимость исследования профессора Нехаева, которое актуализирует программу семантического платонизма как обладающего высоким потенциалом для решения самых актуальных вопросов современной аналитической философии. Одним из таких вопросов является преодоление скептической позиции относительно проблемы следования правилу, интерес к которой, как отмечают Г.П. Бейкер и П.М.С. Хакер, авторы работы «Скептицизм, правила и язык», определен «убеждением, распространенным среди многих философов, что конфронтация между реализмом и антиреализмом... представляет собой одну из фундаментальных проблем современной философии» [4. С. 24].

Но предложенный профессором Нехаевым подход сталкивается с рядом трудностей. И первая из них, по моему мнению, заключается в ультимативной квалификации проблемы следования правилу как исключительно *мета-*

физической: «Во-первых, как и Крипке, я считаю, что проблема следования правилу является в первую очередь метафизической, а не эпистемологической. Это вовсе не вопрос о том, как мы знаем, например, что под ‘+’ мы имеем в виду сложение. Для меня следование правилу – это вопрос о том, существуют ли такие факты, в силу которых в наших вычислениях ‘+’ принимает значение функции сложения, а не какой-то другой арифметической функции» [1. С. 188]. Создается ощущение, что однозначно отвергается *эпистемологический* характер скептической проблемы. Если обратиться к хронологически первому переводу работы С. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке», который был осуществлен Вадимом Рудневым, то мы прочтем следующий вариант: «Вспомним, что скептическая проблема не является чисто эпистемологической» [5. С. 161]. Аналогичный по смыслу перевод предлагают В.А. Суровцев и В.А. Ладов [6. С. 40]. Эти варианты дословно совпадают с оригинальным текстом Крипке: «Recall that the sceptical problem was not merely epistemic» [7. P. 38]. Однако просто существования фактов не может быть достаточно. Безусловно, и Нехаев, и Крипке совершенно справедливо отмечают метафизический *характер* проблемы следования правилу, но однозначная и решительная ее квалификация как сугубо метафизической вызывает сомнение.

Образ действия может быть приведен в соответствие с фактом, но только с позиции стороннего наблюдателя. И в этом кроется упущение Нехаева, который, с одной стороны, различает *следование* правилу и *соответствие* правилу, но вместе с тем и размывает границу между этими двумя актами (или даже дистрибуциями). Даже если достаточным и необходимым является существование одного лишь объективного факта, определяющего корректность моих действий в свете определенного правила (каким может быть, к примеру, сложение), мое *знание* данного факта никак не может быть избыточным. Если же сосредоточить внимание лишь на существовании некоторого объективного факта, то случайное совпадение осуществляемых действий и определенного правила может быть определено как *следование* ему, тогда как в действительности оно лишь ему *соответствует*. Более того, сам Крипке в своей работе неоднократно обращает внимание на намерение субъекта, намерение следовать правилу, что, очевидно, не может иметь места в ситуации отсутствия знания о правиле как таковом.

В этой связи всякое метафизическое успешное преодоление скептического вызова должно быть эпистемологически релевантным и рассмотрение кандидатуры семантического платонизма в качестве такового внушает умеренный оптимизм. Но Нехаев формирует представление о семантическом платонизме как о программе, в рамках которой осуществляется исследование объектов, возможность приобретения знания о которых не только не уточняется, но и словно не играет никакой роли. Но именно сложность определения принципов познания *смыслов* или интенциональных объектов [8. P. 30–31] является самым уязвимым для критики местом теории Катца. Нехаев отмечает, что смыслы как бы ‘схватываются’ агентом, но не уточняет того, как происходит это ‘схватывание’. Отсюда возникает резонный вопрос, который тесно связан с замечанием о том, что проблема следования правилу должна подразумевать в том числе и эпистемологическое содержание: как обеспечивается достоверность или истинность знания агентом смысла? Интенциональ-

ный объект должен обладать автономностью от сознания агента, в противном случае скептицизм лишь окрепнет и укоренится в программе семантического платонизма. Если смысл возникает в сознании произвольным образом, то нет никаких гарантий того, что агент будет осуществлять именно сложение, а не вычитание. Если же допустить вариант, при котором смысл автономен, то нам удастся избежать радикального субъективизма, но это все еще не снимает изначального вопроса «как агент получает знание смысла?».

Столь же значительным является то, что Нехаев не уточняет механизма декомпозиции смысла. Семантические маркеры [8. Р. 316] представляются как автономные идеалистические объекты. Их комбинация образует ту самую декомпозиционную структуру смысла. Выражения ' $57 + 68 = 125$ ' и 'если сложить пятьдесят семь и шестьдесят восемь, то получится сто двадцать пять' синтаксически различны, но семантически их структуры совпадают. Совпадение детерминировано единством семантических маркеров, связанных с элементами, которые формируют синтаксические конструкции.

Это последнее наблюдение связано с тем обстоятельством, что Нехаев некоторым образом упрощает подход к языку Катца. В частности, Катц пишет: «Предложения естественных языков понимаются как абстрактные объекты, как в концепции чисел математического реалиста. Такие предложения и языки независимы от нас: факты о них открываются, а не создаются. Синтаксическая и семантическая структура, описанная в истинах о предложениях, находится в этих объективных, неестественных объектах» [8. Р. 125]. То есть определение смысла буквально невозможно *без* или *вне* знания об объекте. Более того, смысл как семантическая составляющая языкового выражения именно *формируется на основании* грамматики, но не является редуцируемой до грамматики. В работе «Generative Semantics Is Interpretive Semantics» Д. Катц определяет смысл как *семантическую репрезентацию* (semantic representation), которая формируется как отражение синтаксической структуры предложения [9. Р. 322–326]. То есть смысл является репрезентацией структуры языкового выражения, но при этом рассматривается как самостоятельный интенциональный объект, что не учитывает Нехаев.

Профессор Нехаев пишет, что следование правилу гарантируется в силу «наличия синтаксического отношения между двумя абстрактными объектами – смыслом выражения ' $57 + 68$ ' и числом ' 125 '»¹ [1. С. 188], но в действительности смыслы как таковые не определяются непосредственно самой синтаксической структурой. Следовательно, рано говорить о преодолении скептического вызова.

Следующее, о чем необходимо сказать, это референция. При анализе семантического диспозиционализма профессор А.В. Нехаев уделяет значительное внимание референциальной функции языка. Нереферентные семантики не представляются альтернативой референтным, скорее они призваны устранить ряд прямых недостатков референционализма².

¹ По всей видимости, Нехаев имеет в виду здесь не число ' 125 ', а его смысл. Применительно к данному примеру корректнее было бы рассматривать синтаксическую структуру ' $57 + 68 = 125$ ' и ее композиционную семантическую структуру.

² В частности, употребление имен, для которых нет референта. Подробнее об этом см. в работе Д. Катца [10].

Построение онтологии в обход референциональной функции языка, где устанавливается примат 'схватываемых' смыслов без учета экстенциональных объектов, в известной степени нежелателен. И от того привлекательным оказывается метафизический проект Катца, который синтезирует интенциональный объект в качестве коррелирующего с экстенциональным. Как мне кажется, Катц не подразумевает разрыва с объективной реальностью, но стремится построить такой семантический проект, который мог бы претендовать на разницу восприятия и описания одних и тех же объектов в разных формах данности (как Венера в утреннем небе и Венера в вечернем небе). 'Утренняя звезда' и 'Вечерняя звезда' осуществляют референцию к одному экстенциональному объекту, но из-за синтаксической разницы двух выражений возникают различные интенциональные объекты, различные смыслы. Никто не станет отрицать, что имеет место смысловое различие в употреблении выражений 'Сибирские Афины' и 'минерал с наиболее высокой плотностью', поскольку каждое из выражений референциально связано с различными объектами реальности. Но если мы обратимся к паре выражений 'Томск' и 'Сибирские Афины', которые референциально отсылают к одному и тому же объекту, мы актуализируем разницу смыслов. Связь между референцией и интенциональным объектом не должна отвергаться или игнорироваться.

В заключение хочется отметить, что А. Нехаев подобрал блестящие метафоры для названия своей работы. Действительно, борьба со злым скептическим демоном Крипке должна продолжаться. Но стоит ли возлагать надежды на доброго ангела Катца? С одной стороны, да, стоит, поскольку ангельское присутствие вселяет надежду. Но вместе с тем ангел в том виде, в каком он представлен в рассматриваемой работе, эфемерен и бестелесен, что затрудняет его познание и объяснение. Подобно неведомому присутствию ангельского, интенциональный объект не уточняется и остается неуловимым. Его потенциал в действительности следует развивать, но для того, чтобы семантический платонизм вышел в мейнстрим, ему не хватает именно эпистемологической обоснованности.

Список источников

1. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 86. С. 181–192.
2. Глок Г.-И. Аналитическая философия: как она есть / пер. с англ. В.В. Целищев. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 400 с.
3. Лакс М.Дж. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Vol. 8, № 2. С. 5–15.
4. Бейкер Г., Хакер П. Скептицизм, правила и язык. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 240 с.
5. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.П. Руднева // Логос. 1999. № 1. С. 151–185.
6. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 152 с.
7. Kripke S.A. Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition. Harvard University Press, 1995.
8. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990.
9. Katz J. Generative Semantics Is Interpretive Semantics // Linguistic Inquiry. The MIT Press, 1971. Vol. 2, № 3. P. 313–331.
10. Katz J. Names Without Bearers // The Philosophical Review. Duke University Press, 1994. Vol. 103, № 1. P. 1–39.

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskii platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.
2. Glock, H.-J. (2023) *Analiticheskaya filosofiya: kak ona est'* [What is Analytic Philosophy?]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
3. Loux, M.J. (2015) Metafizika v analiticheskoy traditsii [Metaphysics in the analytic tradition]. *Filosofskiy zhurnal*. 8(2). pp. 5–15.
4. Baker, G.P. & Hacker, P.M.S. (2008) *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Scepticism, Rules, and Language]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
5. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.P. Rudnev. Moscow: Kanon+.
6. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kripke S. (1995) *Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition*. Harvard University Press.
8. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
9. Katz, J. (1971) Generative Semantics Is Interpretive Semantics. *Linguistic Inquiry*. 2(3). pp. 313–331.
10. Katz, J. (1994) Names Without Bearers. *The Philosophical Review*. 103(1). pp. 1–39.

Сведения об авторе:

Андрюшкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); старший преподаватель кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Department of Philosophy with Courses in Cultural Studies, Bioethics, and Russian History, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025